**НАЙДЕН
Светлана
Николаевна**

Доктор экономических наук,
профессор РАН, главный
научный сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**NAIDEN
Svetlana
Nikolaevna**

Doctor of economics, professor
of the Russian Academy of
Sciences, chief researcher
Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

nayden@ecrin.ru

УДК 332.143+311

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ РАЗРЫВ**

В статье рассматривается актуальная оценка уровня развития социального потенциала населения в российских регионах. Исследование включает анализ современного состояния социального развития регионов Дальнего Востока; формирование на основе авторского подхода индекса благосостояния и индекса социального потенциала для каждого дальневосточного региона с использованием стандартизованных статистических индикаторов Росстата; сравнение индекса человеческого развития и индекса благосостояния населения; группировку регионов по уровню достижения индексов благосостояния населения и социального потенциала. Показано, что использование стандартизированной статистической базы способствует искажению информации о реальных характеристиках социального пространства на Дальнем Востоке.

Человеческое развитие, благосостояние населения, социальный потенциал, индекс, регион, Дальний Восток

**SOCIAL POTENTIAL OF THE REGIONS
OF THE FAR EAST: SPATIAL GAP**

The article deals with the current assessment of the level of development of the social potential of the population in the Russian regions. The study includes analysis of the current state of social development of the Far East regions; forming, on the basis of the author's approach of the wealth index and index of social capacity for each far East region using standardized statistical indicators Rosstat; comparison of human development index and well-being index population; grouping of regions by the level of achievement of indices of welfare and social potential. It is shown that the use of a standardized statistical base contributes to the distortion of information about the real characteristics of the social space in the Far East.

Human development, population welfare, social potential, index, region, Far East

© Найден С.Н., 2020

Введение

Развитие Дальнего Востока¹, остающегося, по крайней мере, в последнее двадцатилетие в зоне пристального внимания государства, опирается, в первую очередь, на уровень и масштабы развития ведущих отраслей хозяйственного комплекса, способных обеспечивать экономический рост и формировать доходную часть региональных бюджетов. Однако не менее важным, номинально упоминаемым в качестве приоритетного, но фактически занимающим второе место в череде основополагающих факторов экономического прогресса, остаётся социальный потенциал, который, собственно, и способен обеспечивать поступательное развитие территории, а также решать тактические задачи при достижении стратегических целей страны в XXI в.²

Существует множество определений социального потенциала, трактуемого, например, одними как синоним человеческого капитала [15, с. 96], другими – как население, носитель демографического, трудового, интеллектуального и культурного потенциалов [17, с. 45], третьими – как система условий, ресурсов и возможностей для достижения целей социального и экономического развития [5, с. 13; 27, с. 96; 29] и т. п. В данной работе под социальным потенциалом понимается человеческий капитал, который воспроизводится на основе общественного и личного благосостояния в социально-экономических условиях конкретной территории. С этой точки зрения социальный потенциал можно измерить индексом, основанным на использовании индекса человеческого развития (официальный параметр [10, с. 156]) и индекса благосостояния населения (расчётный индикатор, обоснованный ранее в [24]). Количественные оценки социального потенциала в приложении к Дальнему Востоку имеют особое значение, поскольку позволяют расширить представления о реакциях социальной системы на институциональные и инвестиционные шоки, о реальном распределении социальных эффектов в пространстве. Если на рубеже веков проблемы формирования и воспроизводства социального потенциала в значительной степени определялись наследием советского прошлого [13; 19], то в новом веке его путь связан с непосредственным отражением процессов, происходящих в социально-политическом и экономическом развитии страны и её регионов [1; 2; 30].

Современный уровень социального развития

Вторая половина 2000-х гг. ознаменовалась поворотом государственной политики в сторону форсированного развития Дальнего Востока в рамках национальных приоритетных проектов по специально разработанным стратегическим и программным документам, направленным на улучшение демографической ситуации и качества социальной среды, которые должны были обеспечить расширенное воспроизводство человеческого капитала³. Реализация крупных инфраструктурных и сырьевых проектов способствовала привлечению инвестиций в макрорегион, укрепляя не только экономические связи России со странами АТР, но и демонстрируя остальным регионам привлекательный образ «будущего» Дальнего Востока [14], объективно ожидая, что

¹ В данной работе Дальний Восток рассматривается в составе 11 субъектов РФ в ДФО: Республика Бурятия, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область (), Чукотский автономный округ () (на основании Указа Президента РФ № 849 от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе»).

² Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

³ См.: распоряжение Правительства РФ № 2094-р от 28 декабря 2009 г. «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года»; постановление Правительства РФ № 308 от 15 апреля 2014 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»; распоряжение Правительства РФ № 1298-р от 20 июня 2017 г. «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока».

экономический прорыв в развитии макрорегиона будет обеспечен, в том числе за счёт роста человеческого капитала, способного реализовать идеи «новой экономической политики» [18].

Однако анализ тенденций формирования человеческого капитала с учётом меняющихся социально-экономических условий на конкретных территориях свидетельствует о сохранении пространственной дифференциации.

Дальний Восток с точки зрения социального потенциала и сегодня остаётся макрорегионом контрастов, которые объективно связаны с различной освоенностью территории, плотностью расселения и транспортными связями, что оказывает непосредственное влияние на возможности полноценного формирования человеческого капитала и его воспроизводства. Основной контингент населения сконцентрирован в южной зоне Дальнего Востока, характеризующейся сплошной экономической освоенностью, масштабом и разнообразием экономики, значительное место в которой занимают отрасли обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, транспорт и сектор услуг [26]. Северная зона, наоборот, представлена очаговым характером экономической активности и фрагментарным расселением. Несмотря на то что население в основном сосредоточено в городах и крупных посёлках, каждый четвёртый житель Дальнего Востока проживает в труднодоступных, значительно удалённых локальных поселениях, для которых действуют сезонные ограничения по доставке товаров и крайне узок ассортимент доступных благ и услуг.

Общая численность населения Дальнего Востока, расширенного за счёт включения в состав дополнительно двух субъектов РФ (Республики Бурятия и Забайкальского края), продолжает сокращаться. На 1 января 2020 г. суммарная численность населения макрорегиона составила 8 169,2 тыс. человек, сократившись с 1991 г. на 2,26 млн человек (или 21,7%), в том числе с 2000 г. – на 890 тыс. человек (–9,8%) (*табл. 1*).

Таблица 1

Динамика населения Дальнего Востока

Территория	Численность, тыс. человек			Прирост (+), снижение (–), %		
	1991	2000	2020	1991–2000	1991–2020	2000–2020
Республика Бурятия	1 052,0	1 000,9	985,9	–4,9	–6,3	–1,5
Республика Саха (Якутия)	1 119,0	960,0	972,0	–14,2	–13,1	+1,3
Забайкальский край	1 317,9	1 185,8	1 059,7	–10,0	–19,6	–10,6
Камчатский край	478,5	369,4	313,0	–22,8	–34,6	–15,3
Приморский край	2 309,7	2 130,7	1 895,9	–7,7	–17,9	–11,0
Хабаровский край	1 624,7	1 466,9	1 315,6	–9,7	–19,0	–10,3
Амурская область	1 054,3	929,3	790,0	–11,9	–25,1	–15,0
Магаданская область	384,5	198,0	140,1	–48,5	–63,6	–29,2
Сахалинская область	715,3	564,6	488,3	–21,1	–31,7	–13,5
Еврейская автономная область	219,3	194,2	158,3	–11,4	–27,8	–18,5
Чукотский автономный округ	158,1	59,6	50,3	–62,3	–68,2	–15,6
ДФО	10 433,3	9 059,4	8 169,2	–13,2	–21,7	–9,8

Источники: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm (дата обращения: 23.06.2020); Оценка численности постоянного населения на 1 января 2020 г. и в среднем за 2019 г. URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Popul2020.xls> (дата обращения: 16.09.2020).

Традиционно положительный естественный прирост населения дают национальные субъекты РФ (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край и Чукотский автономный округ), но и они после пика 2014–2015 гг. неуклонно сдают позиции (*табл. 2*). Для остальных же регионов отрицательные значения уже достаточно устойчивы во времени. Даже положительная (или нейтральная) динамика естественного движения населения в 2012–2017 гг. в Хабаровском крае, Магаданской и Сахалинской областях, когда в репродуктивный возраст вступало более многочисленное поколение, поддерживаемое действием материнского капитала и другими институциональными новациями [21; 22], не смогло изменить общего устойчивого отрицательного тренда на фоне ухудшающейся возрастной структуры. Начиная с 2018 г. в целом по макрорегиону смертность вновь превышает рождаемость (на 402 человека в 2018 г. и на 8 957 человек в 2019 г.), что с учётом пандемии 2020 г. (только за 9 мес. естественная убыль составила –9 307 человек¹) явно продолжит устойчиво отрицательный тренд в области естественного движения населения.

Таблица 2

Коэффициенты естественного и миграционного прироста населения РФ и ДФО

Территория	Естественный прирост (+), убыль (–), на 1 тыс. человек			Миграционный прирост (+), убыль (–), на 10 тыс. человек		
	2010	2015	2019	2010	2015	2019
Республика Бурятия	+4,3	+5,9	+1,6	–24	–20	+10
Республика Саха (Якутия)	+7,0	+8,6	+5,4	–71	–56	–3
Забайкальский край	+2,1	+2,5	–0,6	–46	–66	–52
Камчатский край	–0,6	+1,6	–0,5	–41	–53	–51
Приморский край	–2,5	–0,8	–3,9	–35	–14	0
Хабаровский край	–1,7	+0,9	–2,4	–31	–37	–23
Амурская область	–1,5	–0,6	–4,0	–60	–47	0
Магаданская область	–1,5	+0,0	–2,2	–141	–118	–53
Сахалинская область	–2,8	+0,4	–0,8	–63	–27	–22
Еврейская автономная область	–1,9	–1,4	–3,7	–49	–120	–65
Чукотский автономный округ	+0,9	+4,1	+1,4	–174	–117	+109
ДФО	+0,3	+2,0	–1,1	–46	–40	–14
Российская Федерация	–1,7	+0,3	–2,2	+19	+17	+19

Источники: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 11.08.2020); Социально-экономическое положение ДФО в 2019 г. : стат. бюлл. М.: Росстат, 2019. С. 49–50.

¹ Социально-экономическое положение России: январь – октябрь 2020 г. : стат. бюлл. М.: Росстат, 2020. С. 407.

При относительно благоприятных показателях рождаемости негативным с точки зрения естественного воспроизводства населения Дальнего Востока фактором является высокий уровень младенческой смертности, который наряду с показателем продолжительности жизни служит индикатором качества жизни и доступности социальной среды. Несмотря на положительную динамику (сократился с 18,6 промилле в 2000 г. до 5,4 промилле в 2018 г.), показатель младенческой смертности остаётся выше среднероссийского (5,1 промилле), варьируя от 12,7 промилле на Чукотке до 2,8 промилле на Сахалине, демонстрируя уровень распространения и доступности услуг здравоохранения. Сохраняется отставание Дальнего Востока и по ожидаемой продолжительности жизни населения: 70,2 года по сравнению со средним показателем по России 72,91 года. Традиционно жители Республики Саха (Якутия), несмотря на суровые условия жизни, относятся к дальневосточным долгожителям (72,72 года), в то время как жители Чукотского автономного округа в среднем доживают лишь до 63,58 года, что является самым низким показателем среди регионов страны [6].

Миграционный отток населения, несмотря на внушительный перечень мер по привлечению соотечественников и граждан РФ, в том числе молодых специалистов из других регионов страны, так и не был преодолен. За два последних года в ДФО въехало в общей сложности 685,8 тыс. человек, а выехало 703,7 тыс. человек. Наиболее интенсивный миграционный обмен сохраняется в регионах Дальнего Востока, освоение которых осуществляется в большей степени вахтовым способом. Как правило, именно резкие «всплески» притока (оттока) демонстрируют моменты начала или окончания инвестиционных проектов, реализуемых в регионах. Идеология «вахтового» освоения регионов получает своё подтверждение на практике [23]. Вполне возможно, что пандемия 2020 г. и вынужденная немобильность населения сыграют положительную роль в снижении миграционного оттока, но, вероятнее всего, это окажется просто «отложенным» во времени намерением, поскольку веских причин для полного отказа пока не наблюдается [20].

Привлекательность макрорегиона в связи с высоким уровнем заработной платы далеко не везде соответствует действительности. Номинальный уровень оплаты труда лидирует в сфере государственного управления, добывающих отраслей и финансового сектора, в то время как общественный сектор (образование, здравоохранение, культура, социальная защита и жилищно-коммунальное хозяйство) традиционно отстаёт несмотря на «майские» указы Президента РФ. Ещё в 1995 г. превышение уровня среднедушевых денежных доходов населения на Дальнем Востоке над среднероссийским уровнем составляло примерно 26% благодаря высоким номинальным доходам в районах Крайнего Севера. В 2019 г. это превышение составило 7%. При этом в четырёх дальневосточных субъектах РФ уровень денежных доходов даже ниже, чем среднероссийский (в Амурской области – 93%, в Еврейской автономной области, Республике Бурятия и в Забайкальском крае – 70–75%). Тот факт, что распределение доходов на Дальнем Востоке более равномерно (коэффициент Джини варьирует в диапазоне от 0,341 в Еврейской автономной области до 0,410 на Сахалине при среднем значении по России равном 0,413), в большей степени свидетельствует не о справедливости в распределении доходов, а об ограничении видов деятельности, обеспечивающих более высокие доходы, включая отсутствие возможностей для эффективного развития предпринимательства. Это подтверждает и низкая ёмкость рынка труда, включая потенциал трудоустройства. Из 11 регионов ДФО только в Чукотском автономном округе (3,1%) и Хабаровском крае (3,8%) уровень безработицы ниже среднего по России (4,8%) (рис. 1).

Рис. 1. Уровень безработицы в РФ и ДФО в 2018 г., %

Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 14.08.2020).

В аутсайдерах вновь Забайкальский край (10,2%), Республика Бурятия (9,3%), Еврейская автономная область (7,0%) и Республика Саха (Якутия) (6,9%), где самая высокая доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, чему способствует высокая стоимость товаров и услуг, которая оказывается выше среднероссийского в силу объективных природно-климатических, транспортных и экономических условий. Так, стоимость фиксированного набора товаров и услуг в тех самых высокооплачиваемых северных районах значительно превышает стоимость аналогичного набора в среднем по стране и, главное, в тех местах, куда так стремятся уехать дальневосточники и не только в отпуск. В результате по покупательной способности средняя заработная плата в северных районах Дальнего Востока превосходит среднероссийскую всего на 25–50%. В южной части Дальнего Востока после пересчёта оплаты труда по паритету фиксированного набора вообще возникает так называемый дефицит дохода. Если в целом по стране 12,6% населения живут за чертой бедности или только каждый восьмой человек, то в Еврейской автономной области к этой категории относятся почти 25% жителей или каждый четвёртый, в Забайкальском крае и Республике Саха (Якутия) – каждый пятый, в Камчатском крае – каждый шестой¹. Региональное распределение населения, живущего за чертой бедности, строится следующим образом: из 1,3 млн человек, живущих за чертой бедности, 20,6% сосредоточено в Приморском крае, 17,4% – в Забайкальском крае, 14,3% – в Республике Саха (Якутия). Вопрос о достаточности мер государственной политики в отношении этой категории жителей остаётся открытым. Поэтому в действительности покупательная способность доходов значительных групп населения как в северных, так и в южных регионах Дальнего Востока оказывается существенно ниже, чем в центральных и южных регионах страны, куда чаще всего и стремятся переехать на постоянное место жительства дальневосточники.

¹ Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленной в субъекте РФ. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43713> (дата обращения: 23.09.2020).

Существующий уровень доходов населения играет исключительно важную роль в формировании долгосрочной мотивации населения, но не менее, а для отдельных когорт населения, возможно, и более важную роль играет качество жизни и комфорт в долгосрочном периоде, что определяется компонентами формирования и роста ценности человеческого капитала в форме масштабов и качественных характеристик социальной инфраструктуры, обеспечивающей функционирование образования, здравоохранения, культуры и спорта, реализацию жилищной и социальной политики, другими словами – высокоразвитую и комфортную среду обитания [20].

Особое место в программе привлечения населения в макрорегион и формировании социального потенциала играет наличие комфортного жилья. После довольно существенного ежегодного прироста ввода жилья в строй (2000–2014 гг.), последовал спад, который был преодолен в 2019 г. (рис. 2). Лидерами по строительству жилья являются Республика Саха (Якутия) и Приморский край, на долю которых за 30 лет пришлось почти 40% всех вводов, ещё 27% составили Республика Бурятия и Забайкальский край и 25% – Хабаровский край и Амурская область. Практически ни один регион по нормативам не превысил среднероссийский уровень, за исключением Республики Саха (Якутия) и Приморского края, которые последние пять лет вводят в строй почти $0,6 \text{ м}^2$ на человека. Республика Бурятия и Забайкальский край возводят на уровне $0,2 \text{ м}^2$ на человека в год, а северные регионы Дальнего Востока, где продолжается отток населения и в основном развиты вахтовые методы освоения ресурсов – не более $0,15 \text{ м}^2$. При этом для нормального воспроизводства и обновления жилищного фонда требуется вводить не менее 1 м^2 на человека в год, что пока маловероятно в условиях экономической реальности.

Рис. 2. Ввод жилья в РФ и ДФО, м^2 на человека в год

Источник: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002–2019. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 12.09.2020).

Низкие темпы строительства, а, следовательно, и обновления приводят к увеличению площади жилья, требующего капитального ремонта и восстановления. Ухудшается и без того невысокое качество жилья, которое до сих пор обеспечено коммунальными услугами в среднем на 75%. Так, канализация (как необходимый признак благоустроенности) максимально распространена (90%) в жилищном фонде Магаданской и Сахалинской областей, Камчатском крае и Чукотском автономном округе в отличие от Забайкальского края, Республик Саха (Якутия) и Бурятия, где данный вид услуг отсутствует в каждом втором жилье. В такой ситуации для населения Дальнего Востока актуальными остаются проблемы качества, доступности жилья (покупки, аренды, найма) и перманентно растущих платежей за его содержание [25].

Представленный анализ отдельных показателей социального развития демонстрирует сохраняющийся разброс в оценках между регионами ДФО. Между тем снижение неоднородности российских регионов входит в число приоритетных задач экономической политики государства. Очевидно, что эффективность принимаемых в данном контексте управленческих решений главным образом определяется адекватностью оценок текущей ситуации, в том числе в отношении состояния социального потенциала в каждом отдельном регионе. Период исследования совпадает с периодом активизации государственной политики в отношении Дальнего Востока и составляет восемь лет (2010–2017 гг.).

Оценка социального потенциала регионов

Поскольку социальный потенциал выступает в роли количественно-качественной оценки человеческого капитала в определённых социально-экономических условиях, то для расчёта воспользуемся инструментарием, разработанным в рамках Программы развития ООН (ПРООН) для регулярного осуществления сопоставлений динамики уровня человеческого развития в разных странах [7]. Предложенный подход основан на расчёте специальной системы упрощённых индексов с использованием статистических данных, доступных для большинства стран мира, позволяющих объективно отражать происходящие изменения в условиях воспроизводства населения. Количественно это выражается через показатели достигнутого уровня ожидаемой продолжительности жизни, доступности образования и валового душевого дохода в реальном исчислении по паритету покупательной способности в долларах США. На их основе формируются соответствующие индексы – долголетия, грамотности, обучения и доходов, которые преобразуются в интегральный индекс человеческого развития (ранее – индекс человеческого потенциала [13, с. 51–52]).

В региональном разрезе индекс человеческого развития ежегодно публикуется в Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации, последний из которых датирован 2018 г. [10]. Поскольку в индексе человеческого развития одной из составляющих является валовой региональный доход на душу населения, который официально публикуется Росстатом с двухлетним запаздыванием, данные по субъектам РФ доступны до 2017 г. За 2010–2017 гг. индекс человеческого развития вырос по всем регионам ДФО, достигнув в Республике Саха (Якутия) максимума 0,903. В группу лидеров вошли Магаданская (0,897) и Сахалинская (0,896) области, превысив среднее по стране значение (0,890) (*табл. 3*).

По индексу человеческого развития Республика Бурятия и Забайкальский край занимают последние места среди дальневосточных субъектов РФ, опережая только Еврейскую автономную область. Разложение общего индекса на компоненты показывает, что низкое значение показателя в регионах-аутсайдерах обусловлено преимущественно уровнем ВРП на душу населения, который в Республике Бурятия в 2 раза отстаёт от среднего по стране, в Забайкальском крае составляет 55%, в Еврейской автономной области – 52%. В регионах-лидерах, имеющих сырьевую специализацию (Сахалинская и Магаданская области, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ) региональный продукт формируется практически на уровне или выше нормативно установленной планки в 40 тыс. долларов США. Низкая продолжительность жизни дальневосточников обуславливает невысокие позиции регионов ДФО по индексу долголетия. Индекс образования, рассчитанный по показателям грамотности населения и доли учащихся в возрасте 7–24 лет, выше среднего показателя по стране только в четырёх дальневосточных субъектах РФ. При практически 100%-й грамотности населения различия в основном связаны с удельным весом учащихся школ, начальных, средних и высших учреждений образования в общей численности учащихся [6].

Таблица 3

Индекс человеческого развития по РФ и ДФО

Территория	2010	2015	2016	2017
Республика Бурятия	0,796	0,828	0,826	0,830
Республика Саха (Якутия)	0,844	0,886	0,897	0,903
Забайкальский край	0,790	0,816	0,822	0,836
Камчатский край	0,812	0,836	0,845	0,854
Приморский край	0,814	0,840	0,848	0,854
Хабаровский край	0,816	0,846	0,857	0,865
Амурская область	0,803	0,831	0,840	0,840
Магаданская область	0,839	0,882	0,893	0,897
Сахалинская область	0,871	0,884	0,886	0,896
Еврейская автономная область	0,786	0,794	0,801	0,824
Чукотский автономный округ	0,798	0,863	0,858	0,867
Российская Федерация	0,843	0,875	0,881	0,890

Источники: составлено по: [8; 9; 10]; Индекс человеческого развития регионов России за 2017 год. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/karta_HDI_2017.pdf (дата обращения: 02.04.2020).

Поскольку представленные элементы индекса человеческого развития имеют, с одной стороны, отношение к собственно социально-демографическим характеристикам (долголетие, образование), а с другой – отражают общественный уровень благосостояния в виде ВРП на душу населения, возникает необходимость оценки уровня личного благосостояния как самостоятельного индикатора социального потенциала.

В научной литературе постоянно ведётся поиск адекватных инструментов для измерения благосостояния и качества жизни населения в регионах. Учитывая проблемы пространственной неоднородности и межрегиональных различий, особое внимание уделяется созданию методик по построению комплексных индексов благосостояния (качества жизни) и построению рейтингов российских регионов на их основе [3; 12; 16]. Большинство авторов стремится предложить интегральные показатели, учитывающие множество факторов, включая статистические показатели, результаты социологических или экспертных опросов, варьировать различными дополнительными коэффициентами [4; 11; 28], которые в совокупности оказывают разнонаправленное действие и зачастую нивелируют друг друга, искажая реальное положение вещей.

Для оценки уровня личного благосостояния в настоящей статье использован ранее обоснованный индекс благосостояния населения [24], состоящий из трёх индикаторов: уровня безработицы; покупательной способности среднедушевых денежных доходов по стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг; обеспеченности населения жильём, оборудованным канализацией. Каждый из трёх компонентов рассчитывается в форме индекса и измеряется от 0 до 1 (чем ближе значение индекса к 1, тем лучше ситуация в данной сфере). Преимуществами этого индекса – помимо сокращения числа исходных показателей – являются: простота (работа, доход и жильё – основные параметры, ассоциирующиеся с благосостоя-

нием человека); доступность информации и способ расчёта (минимаксный метод); «ориентированность» на оценку не общественного (абстрактного), а личного благосостояния, которое в условиях Дальнего Востока играет ключевую роль как мотивационный фактор, работающий на привлечение населения в регион.

Анализ полученных результатов за 2010–2017 гг. показывает, что за исключением Сахалинской области и Приморского края все регионы ДФО к 2017 г. ухудшили свои позиции по индексу благосостояния населения по сравнению с 2010 г. (*табл. 4*).

Таблица 4

Индекс благосостояния населения в РФ и ДФО

Территория	2010	2015	2016	2017
Республика Бурятия	0,423	0,404	0,383	0,364
Республика Саха (Якутия)	0,493	0,500	0,490	0,479
Забайкальский край	0,433	0,395	0,369	0,353
Камчатский край	0,651	0,655	0,646	0,642
Приморский край	0,517	0,537	0,534	0,537
Хабаровский край	0,592	0,609	0,610	0,605
Амурская область	0,489	0,530	0,524	0,523
Магаданская область	0,772	0,802	0,782	0,776
Сахалинская область	0,690	0,736	0,733	0,732
Еврейская автономная область	0,470	0,427	0,416	0,405
Чукотский автономный округ	0,812	0,798	0,783	0,779
Российская Федерация	0,617	0,626	0,616	0,612

Источник: расчёты автора.

В 2017 г. лидерами в межрегиональных сопоставлениях по индексу благосостояния населения остаются Чукотский автономный округ (0,779), Магаданская (0,776) и Сахалинская (0,732) области в основном из-за высокой обеспеченности благоустроенным жильём и сравнительно высокой покупательной способности среднедушевых доходов населения, несмотря на высокую стоимость жизни. Камчатский край (0,642) вместе с Хабаровским (0,605) и Приморским (0,537) краями, Амурской областью (0,523) и Республикой Саха (Якутия) (0,479), занимают центральную позицию среди регионов ДФО, уступая в уровне доходов и благоустройстве жилья. Нижние позиции достались Еврейской автономной области (0,405), Республике Бурятия (0,364) и Забайкальскому краю (0,353), которые по всем трём параметрам уступают остальным регионам, особенно по доходам, образуя «пояс бедности».

Сопоставление индексов (*табл. 3, 4*) для каждого региона ДФО в течение исследуемого периода показывает, что, во-первых, индекс благосостояния населения всегда имеет более низкие значения по сравнению с индексом человеческого развития, а во-вторых, между индексами постепенно увеличивается разрыв (*рис. 3а, 3б*).

Рис. 3а. Индексы человеческого развития (ИЧР) и благосостояния (ИБ) по регионам Дальнего Востока

Источники: составлено по: [8; 9; 10]; Индекс человеческого развития регионов России за 2017 год. URL: https://asc.gov.ru/uploads/2-Publications/karta_HDI_2017.pdf (дата обращения: 02.04.2020); расчётам автора.

— ИЧР — ИБ

Рис. 3б. Индексы человеческого развития (ИЧР) и благосостояния (ИБ) по регионам Дальнего Востока

Источники: составлено по: [8; 9; 10]; Индекс человеческого развития регионов России за 2017 год. URL: https://asc.gov.ru/uploads/2-Publications/karta_HDI_2017.pdf (дата обращения: 02.04.2020); расчётам автора.

В зависимости от величины разрыва все регионы можно разделить на три группы: северо-восточные (Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ), где величина отклонения индекса благосостояния населения от индекса человеческого развития к 2017 г. составила 10–13%; центральные (Камчатский и Хабаровский края, Республика Саха (Якутия), Приморский край и Амурская область) – 25–47%; южные приграничные (Республика Бурятия, Забайкальский край и Еврейская автономная область) – 50–60%.

Наличие двух вышеупомянутых индексов, отражающих уровень развития человеческого капитала в социально-экономических условиях конкретной территории, фактически даёт представление о социальном потенциале, которым располагает регион. Поэтому в качестве оценки социального потенциала рассчитан индекс, представляющий собой среднее арифметическое значение двух параметров – индекса человеческого развития (официально формируемого Росстатом) и индекса благосостояния населения (рассчитанного автором данной работы).

Результаты проведённых расчётов показывают, что к 2017 г. по сравнению 2010 г. северо-восточные и центральные регионы ДФО увеличили свой социальный потенциал примерно на 2–5% в отличие от южных приграничных регионов, снизивших его уровень в этот период на 2–2,5% (рис. 4).

Рис. 4. Индекс социального потенциала по регионам Дальнего Востока

Источник: расчёты автора.

Анализ распределения регионов ДФО по индексу социального потенциала выявил наличие характерной тенденции на сближение позиций для отдельных групп. Наиболее высокие значения индекса социального потенциала (0,814–0,836) по состоянию на 2017 г. традиционно демонстрируют северо-восточные регионы сырьевой экспортно ориентированной специализации (Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ) за счёт высоких индексов человеческого развития (0,867–0,897) и благосостояния (0,732–0,779), которые обеспечиваются повышенными индексами общественных и личных доходов при сохранении малокомфортной среды обитания и отрицательного миграционного сальдо. Южные экономически развитые регионы (Хабаровский и Приморский края, Амурская область) вместе с остальными

северо-восточными (Республикой Саха (Якутия) и Камчатским краем) формируют центральную группу, где индекс социального потенциала варьирует в пределах 0,681–0,748, демонстрируя высокий уровень индекса человеческого развития (0,840–0,903) и средний уровень индекса благосостояния (0,479–0,642), частично проигрывая в уровне как общественных, так и личных доходов, но сохраняя на юге более благоприятную среду обитания и менее интенсивный отток населения. В южных приграничных регионах ДФО (Еврейской автономной области, Республике Бурятия и Забайкальском крае) индекс социального потенциала не превышает 0,615, частично уступая более развитым территориям макрорегиона по индексу человеческого развития (0,824–0,836), но оставаясь в зоне низких значений уровня и качества жизни (индекс благосостояния не превышает 0,405).

Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от индекса человеческого развития, который оказывается гораздо более стабильным и управляемым с точки зрения возможностей и рычагов влияния со стороны органов власти, индекс благосостояния населения плохо поддаётся регулированию, поэтому последний фактически «тянет» индекс социального потенциала вниз (рис. 3а, 3б, 4). Это способствует искажению информации о реальных характеристиках социального пространства на Дальнем Востоке, что провоцирует информационную асимметрию при принятии регулятивных решений в этой области. Для достижения амбициозных стратегических целей по развитию Дальнего Востока необходима дополнительная концентрация усилий государства по повышению социального потенциала за счёт значительного роста личного благосостояния населения, в том числе и в формате «прямого государственного патронажа, то есть системы стимулов, создаваемых и финансируемых самим государством» [20, с. 57], без упования исключительно на косвенные (институциональные) сигналы.

Заключение

С применением традиционного подхода формирования индексов, в работе сконструирован индекс социального потенциала для субъектов РФ с учётом параметров человеческого развития и благосостояния населения и выполнены расчёты для регионов Дальнего Востока за 2010–2017 гг.

Установлено, что в анализируемый период чётко прослеживается общая тенденция к увеличению разрыва между индексом человеческого развития и индексом благосостояния населения, и выделяются *три группы* регионов: северо-восточные (Магаданская и Сахалинская области и Чукотский автономный округ), где размер расхождения достиг к 2017 г. 10–13,5%; центральные (Камчатский и Хабаровский края, Республика Саха (Якутия), Приморский край и Амурская область) – 25–47%; южные приграничные (Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская автономная область) – 50–60%.

Показано, что использование стандартизированной статистической базы приводит к парадоксальным результатам с точки зрения оценки социального ландшафта на Дальнем Востоке. В частности, *первая группа*, в которую входят северо-восточные регионы сырьевой экспортно ориентированной специализации, характеризуется наиболее высокими оценками социального потенциала (0,814–0,836), за счёт высоких значений среднедушевых реальных доходов населения и повышенной обеспеченности благоустроенным жильём, что завышает значение индекса благосостояния, хотя эти регионы характеризуются малокомфортной средой обитания и отрицательным миграционным сальдо. *Вторая группа* включает экономически развитые дальневосточные субъекты РФ, которые имеют более скромные значения индекса социального потенциала (0,681–0,748) при высоком уровне развития человеческого потенциала, но при средних показателях индекса благосостояния, хотя обладают гораздо большим уровнем

распространения и доступности социальных благ и услуг и менее подвержены оттоку населения. *Третья группа*, состоящая из южных приграничных регионов, имеет самые низкие оценки социального потенциала (0,594–0,615), частично уступая северным и центральным регионам по индексу человеческого развития, формируемого в условиях низких индикаторов уровня и качества жизни.

Несмотря на значительный период экономических и социальных преобразований на Дальнем Востоке, его социальное пространство остаётся крайне дифференцированным. Увеличивается разрыв между дальневосточными регионами по уровню развития и воспроизводства социального потенциала.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. 25 лет новой России. Экономический и социальный уровень: топтание на месте // Экономические стратегии. 2018. Т. 20. № 1 (151). С. 6–21.
2. Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187. <http://dx.doi.org/14530/se.2019.3.165-187>
3. Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерения синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики // Прикладная эконометрика. 2006. № 2. С. 18–84.
4. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.
5. Буторина А.А. Социальный потенциал региона: понятие и структура // Вестник социально-политических наук. 2014. № 3. С. 12–14.
6. Грицко М.А. Человеческий потенциал «нового» Дальнего Востока // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 1. С. 5–19. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.1.5>
7. Доклад о развитии человека за 1999 год. Нью-Йорк : Оксфорд: Оксфорд юнивёрсити пресс, 1999.
8. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. 260 с.
9. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 298 с.
10. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. 172 с.
11. Домнина С.В. Методика построения и анализа интегрального индекса благосостояния для межрегиональных сравнений // Регион: экономика и социология. 2011. № 3. С. 70–77.
12. Зубаревич Н.В. Неравенство регионов России. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
13. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
14. Исаев А.Г. Территория опережающего развития: новый инструмент региональной экономической политики // ЭКО. 2017. № 4. С. 61–77.
15. Максимов А.А., Бурьян М.С. Опыт оценки социального потенциала муниципальных образований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 2 (2). С. 96–106.
16. Малкина М.Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика регионов. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 49–62. <http://dx.doi.org/10.17059/2017-1-5>

17. Маслова И.С. Социальный потенциал развития экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2008. № 2. С. 37–53.
18. Минакир П.А. Новая восточная политика и экономические реалии // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 7–11. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2015.2.007-011>
19. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2006. 848 с.
20. Минакир П.А., Найденов С.Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефицит идей или провал институтов? // Регион: экономика и социология. 2020. № 3 (107). С. 30–61. <http://dx.doi.org/10.15372/REG20200302>
21. Мотрич Е.Л. Демографическое развитие Хабаровского края: проблемы и перспективы // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 30–46. <http://dx.doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00025>
22. Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 53–69. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.3>
23. Найденов С.Н. Социальные эффекты от реализации инвестиционных проектов в регионе // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 6. С. 28–33. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2017.6>
24. Найденов С.Н., Белоусова А.В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 53–68. <http://dx.doi.org/10.17059/2018-1-5>
25. Найденов С.Н., Дёмина О.В. Реформа теплоснабжения: последствия для потребителей Дальнего Востока // ЭКО. 2019. № 3 (537). С. 21–36. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-3-21-36>
26. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
27. Социальный потенциал региона как фактор развития северных территорий / под ред. А.А. Дрегалю, В.И. Ульяновского. Архангельск: Изд-во СГМУ, 2008. 400 с.
28. Устюгов Ю.А., Глушакова О.В. Методология определения рейтингов субъектов РФ по обеспечению качества жизни населения (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Сибирская финансовая школа. 2012. № 4 (93). С. 94–101.
29. Файзуллин Ф.С., Шагиева Л.А. Социальный потенциал как объект социологического исследования // Вестник ВЭГУ. 2016. № 3 (83). С. 118–124.
30. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Краткая версия доклада / отв. ред. Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Яковсон. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 76 с.

References

1. Aganbegyan A.G. 25 Years of New Russia. Economic and Social Level. Marking Time. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies]. 2018. Vol. 20. No. 1 (151). Pp. 6–21. (In Russian)
2. Aganbegyan A.G. Development of the Far East: A National Program in the Context of National Projects. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. No. 3. Pp. 165–181. <http://dx.doi.org/14530/se.2019.3.165-187> (In Russian)
3. Aivazian S.A., Stepanov V.S., Kozlova M.I. Measuring the Synthetic Categories of Quality of Life in a Region and Identification of Main Trends to Improve the Social and Economic Policy. *Prikladnaia ekonometrika* [Applied Econometrics]. 2006. No. 2. Pp. 18–84. (In Russian)
4. Beliaeva, L.A. Level and Quality of Life. Measurement and Interpretation Issues. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies]. 2009. No. 1. Pp. 33–42. (In Russian)

5. Butorina A.A. The Social Potential of the Region: The Concept and Structure. *Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk* [Vestnik Social'no-Politicheskikh Nauk]. 2014. No. 3. Pp. 12–14. (In Russian)
6. Gritsko M.A. Human Potential of the «New» Russian Far East. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 1. Pp. 5–19. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.1.5> (In Russian)
7. *Human Development Report for 1999*. New York, 1999.
8. *Report on Human Development in the Russian Federation for 2015*. Ed. by S.N. Bobylev and L.M. Grigoriev. Moscow, 2015. 260 p. (In Russian)
9. *Report on Human Development in the Russian Federation for 2016*. Ed. by S.N. Bobylev and L.M. Grigoriev. Moscow, 2016. 298 p. (In Russian)
10. *Report on Human Development in the Russian Federation for 2018*. Ed. by S.N. Bobylev, L.M. Grigoriev. Moscow, 2018. 172 p. (In Russian)
11. Domnina S.V. Technique to Generate and Analyze an Integrated Well-Being Index to Conduct Interregional Comparisons. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2011. No. 3. Pp. 70–77. (In Russian)
12. Zubarevich N.V. *Inequality of Regions of Russia*. Moscow, 2010. 160 p. (In Russian)
13. Zubarevich N.V. *Social Development of the Regions of Russia: Problems and Trends of the Transition Period*. Moscow, 2003. 264 p. (In Russian)
14. Isaev A.G. The Territories of Accelerated Development: New Instrument of Regional Economic Policy. *EKO* [ECO]. 2017. No. 4. Pp. 61–77. (In Russian)
15. Maksimov A.A., Buryan M.S. Experience in Assessing the Social Potential of Municipalities. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2008. No. 2 (2). Pp. 96–106. (In Russian)
16. Malkina M.Yu. Social Well-Being of the Russian Federation Regions. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2017. Vol. 13. Issue 1. Pp. 49–62. <http://dx.doi.org/10.17059/2017-1-5> (In Russian)
17. Maslova I.S. Social Potential of Economic Development. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2008. No. 2. Pp. 37–53. (In Russian)
18. Minakir P.A. New Eastern Policy and Economic Realities. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2015. No. 2. Pp. 7–11. <http://dx.doi.org/10.14530/se.2015.2.007-011> (In Russian)
19. Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East*. Moscow, 2006, 848 p. (In Russian)
20. Minakir P.A., Naiden S.N. Social Dynamics in the Far East: The Defect of Ideas or the Failure of Institutions? *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2020. No. 3 (107). Pp. 30–61. <http://dx.doi.org/10.15372/REG20200302> (In Russian)
21. Motrich E.L. Demographic Development of Khabarovsk Krai: Problems and Prospects. *Narodonaselenie* [Population]. 2019. Vol. 22. No. 3. Pp. 30–46. <http://dx.doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00025> (In Russian)
22. Motrich E.L., Molodkovets L.A. Shaping the Population and Labor Resources in the Russian Far East. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 53–69. <http://dx.doi.org/10.15838/esc.2019.1.61.3> (In Russian)
23. Naiden S.N. Social Effects from Implementation of Investment Projects. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2017. Vol. 4. No. 6. Pp. 28–33. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2017.6> (In Russian)
24. Naiden S.N., Belousova A.V. Methodological Tools to Assess the Population Welfare: Interregional Comparison. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2018. Vol. 14. Issue 1. Pp. 53–68. <http://dx.doi.org/10.17059/2018-1-5> (In Russian)
25. Naiden S.N., Dyomina O.V. Heat Supply Reform: Consequences for the Consumers in the Far East. *EKO* [ECO]. 2019. No. 3 (537). Pp. 21–36. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-3-21-36> (In Russian)

26. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. (In Russian)
27. *Social Potential of the Region As a Factor of Development of Northern Territories*. Ed. by A.A. Dregalo, V.I. Ulyanovsky. Arkhangelsk, 2008. 400 p. (In Russian)
28. Ustiugov Yu.A., Glushakova O.V. Methodology of Definition of Ratings of Subjects of the Russian Federation on Maintenance of Quality of Life of the Population (On the Example of SFO Regions). *Sibirskaya finansovaya shkola* [Siberian Financial School]. 2012. No. 4 (93). Pp. 94–101. (In Russian)
29. Fayzullin F.S., Shagieva L.A. Social Potential of the Region As an Object of Sociological Analysis. *Vestnik VEGU* [Vestnik VEGU]. 2016. No. 3 (83). Pp. 118–124. (In Russian)
30. *Human Capital As a Factor in Socio-Economic Development. Short Version of the Report*. Ed. by Ya.I. Kuzminov, L.N. Ovcharova, L.I. Jacobson. Moscow, 2016. 76 p. (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Найден С.Н. Социальный потенциал регионов Дальнего Востока: пространственный разрыв // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 6. С. 66–83. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.66>

For citing:

Naiden S.N. Social Potential of the Regions of the Far East: Spatial Gap. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2020. Vol. 7. No. 6. Pp. 66–83. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.6.66> (In Russian)